

Доронина С.В. (Барнаул, Россия)

Деонтический модус в негативных высказываниях: взгляд эксперта

Deontic modus in negative statements: examiner's opinion

В статье исследуется группа высказываний, совмещающих в своей семантической структуре дескриптивное и модальное значение. Процедура экспертного анализа в этом случае предполагает разделение дескриптивной и субъективной информации в высказывании и оценку уместности деонтического модального смысла в контексте.

The article explores a group of statements combining descriptive and modal meaning in their semantic structure. The procedure of expert analysis in this case involves the separation of descriptive and subjective information in the statement and assessment of the relevance of deontic modal meaning in the context.

Ключевые слова: утверждение о фактах, мнение, негативная информация, деонтический модус, прагматическая пресуппозиция.

Key words: statement of facts, opinion, negative information, deontic mode, pragmatic presupposition.

Вопрос отношения содержания высказывания к действительности активно обсуждается в рамках научного направления «логический анализ языка». Именно внутри этого научного направления развиваются методы, которые помогают установить в смысловой структуре высказывания объективную информацию, носящую внешний характер по отношению к говорящему. Данные методы активно применяются в практике судебной лингвистической экспертизы в связи с делами о клевете, унижении чести и умалении достоинства.

В основу определений факта, как правило, кладется фундаментальное понятие пропозиции, разработанное Л. Витгенштейном и Б. Расселом. Утверждения о факте могут быть определены как тип суждений, обладающий следующими различительными признаками: дескриптивность (описывают предметы, действия, признаки объективной действительности, внешние по отношению к говорящему), объективность (не выражают отношение говорящего

субъекта или персонажа к действительности), верифицируемость (соотносимы с событиями объективной действительности) [Апресян 2006; Падучева 2007; Доронина 2009]. Утверждения о фактах противопоставлены субъективным суждениям. Класс субъективных суждений разнороден. В него входят суждения о будущем положении дел, оценки, мнения, предположения, суждения о намерениях другого лица, суждения о его психологических состояниях и др. В отличие от утверждений о фактах, субъективные суждения отражают не реальный мир, а состояние сознания говорящего или персонажа.

Особым типом субъективных суждений является мнение. Будучи дескриптивным и верифицируемым, оно в то же время сохраняет свою субъективность, т.к. имеет ментальную природу, являясь результатом интеллектуального моделирования действительности. «Мнения и точки зрения <...> являются внутренними объектами. Они зарождаются и формируются, принимаются, вынашиваются и порой оставляются» [Вендлер 1987: 304].

В то же время в высказывании виды субъективной и объективной информации могут оказаться вербально не разграниченными: они могут быть совмещены в структуре лексического значения одного слова, предстать как имплицитный компонент высказывания. Такие случаи особо интересны для анализа и часто порождают противоречивые экспертные мнения.

Предметом нашего внимания будут являться дескриптивные высказывания, в которых эксперту затруднительно установить наличие негативной информации о лице. Постановление Пленума Верховного суда разъясняет, что следует понимать под порочащими сведениями: «информация о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота. И хотя понятие «порочащие сведения» не является лингвистическим, судебный эксперт может ориентироваться на него в решении

вопроса о негативном характере высказываний. Вместе с тем в экспертной практике встречаются случаи использования в критическом дискурсе высказываний, на первый взгляд, не отвечающим критериям данного определения. Например:

(1) В должности кассира Алтайской краевой нотариальной палаты X. ничего не делает, только принимает ежегодные членские взносы от нотариусов.

С лингвистической точки зрения, в семантической структуре негативных (порочащих/ позорящих) высказываний всегда содержится эксплицитное дескриптивное содержание и деонтическое модальное значение «субъект не должен так поступать/ то, что он сделал, – запрещено или аморально». Модально-нравственный императив, нарушение которого описывается в негативном высказывании, предстает как прагматическая пресуппозиция (в традиционном понимании термина: утверждение S имеет прагматическую пресуппозицию P, если при любом нейтральном употреблении S говорящий считает P само собой разумеющимся или просто известным слушателю [Падучева 1990: 396]). См, например:

(2) «...X. занимался сверхнормативным отловом красной рыбы и ее продажей в частном порядке».

Данный контекст описывает действия, представляющие собой нарушения природоохранного законодательства, следовательно, включает прагматическую пресуппозицию «X. поступает незаконно, он не должен этого делать». Данные высказывания без затруднений и бесспорно интерпретируются как утверждение о факте негативного характера.

Однако не во всяком негативном высказывании, предлагаемом для экспертного анализа, негативный деонтический модус оправдан дескриптивным содержанием. Рассмотрим пример, размещенный в одном из электронных СМИ. Критикуя деятельность одного из торговых предприятий, автор публикации позволил себе следующее высказывание:

(3) «Продавищица молча поставила коробку на прилавок и безучастно отвернулась. Ненавязчивый российский сервис!!».

Контекст включает информацию двух типов. С одной стороны, выделяется утверждение о факте «*Продавщица поставила коробку на прилавок и отвернулась*», выражаемое лексемами с дескриптивным значением. Однако в контексте представлено и субъективное суждение: «*Ненавязчивый российский сервис!!*». Выражение представляет собой фигуру иронии и выражает деонтическое модальное значение – формирует суждение о ненормальном поступке, поведении, которого не должно быть. По нашему мнению, сложность в интерпретации контекста заключается в том, что вербально выраженное утверждение о факте является модально нейтральным. Однако точка зрения потенциального покупателя, который не получил ожидаемого внимания, негативно маркирует нейтральное поведение. В негативном контексте высказывание приобретает прагматическую пресуппозицию «продавец нарушил некие корпоративные нормы, правила вежливости, которые необходимо соблюдать при оказании услуги». Ложность данной пресуппозиции делает предложение аномальным. Возникает желание возразить говорящему: а чего же Вы еще хотели? Продавец сделал все, что должен! Поэтому в предложении присутствует нейтральное утверждение о факте и негативное мнение о несоответствии этого поведения ожиданиям говорящего. Приведем аналогичные примеры:

(4) *Представитель социальной службы открыл свою толстую папку, прихваченную для солидности, очень долго в нее что-то записывал, а потом просто уехал, пообещав «во всем разобраться».*

Дескриптивный компонент предложения «приехал – записал – уехал – пообещал разобраться» является нейтральным. Негативный характер высказыванию придает частица «просто»,

Просто – 2. Только; не что иное, как [Ожегов, Шведова 2006].

выражающая пресуппозицию «председатель не сделал ничего другого, кроме записей», уместную в случае ожидания от субъекта каких-либо дополнительных действий. Однако жизненный опыт и здравый смысл подсказывают, что данные

ожидания не оправданны, и для негативной оценки поведения социального работника нет оснований.

(5) Снявшийся голышом депутат из Кургана уличил журналистов в необразованности.

Данное высказывание появилось в Интернете в связи с тем, что известный политик опубликовал на персональной странице в Instagram свои провокационные фото с обнаженным торсом. Само действие не нарушает никаких законов и морально-этических норм, и сообщение о таком действии, соответственно, не содержит негативной информации. Однако при этом употребляемое слово «голышом», с одной стороны, являющееся гиперболой (так как фото не фиксирует полного обнажения), а с другой стороны, имеющее разговорную окраску, выражает иронически-пренебрежительное отношение говорящего к поступку, сообщая, что столь смелые действия известному политику ни к чему.

Во всех перечисленных случаях имплицитно или прямо сообщается о том, что персонажи не сделали того, что от них ожидали. Однако эксперт, отвечая на вопрос о том, является ли информация негативной, нарушает ли герой нормы морали, делового оборота или закон, вынужден отвечать отрицательно. Процедура экспертного анализа в этом случае предполагает разделение дескриптивной и субъективной информации в высказывании и *оценку уместности* деонтического модального смысла в контексте. По сути дела, от совпадения/ несовпадения позиции эксперта с позицией автора высказывания зависит его квалификация как негативного утверждения о факте или мнения. Такое положение дел ставит серьезный теоретический вопрос о критериях проверки. Какую информацию о лице следует признавать негативной? Разъяснения Пленума Верховного суда не всегда достаточны для этой цели. Законодательные нормы кодифицированы, профессиональное поведение нормировано должностными инструкциями, и они могут выступать эталонами оценки поведения. В то же время нормы этики и морали не регламентированы четко, а значит, суждение эксперта о негативном характере поступка персонажа

осуществляется с опорой на жизненный опыт и здравый смысл, но не на прочный научно обоснованный регламент. Стремление говорящих к объективной передаче информации, и нежелание нести при этом ответственность за диффамацию, приводит к тому, что высказывания подобного типа довольно часто становятся объектом лингвистической судебной экспертизы, а значит, вопрос единообразия их интерпретации приобретает особую актуальность. Однако проблема разграничения субъективного и объективного в языке, и тем более, в тексте, сложна и по-прежнему далека от окончательного разрешения.

Литература:

Апресян Ю.Д. и др. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006 .— 912 с.

Вендлер З. Факты в языке// Философия, логика, язык. Общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 293 – 318.

Доронина С.В. Факт: семантика и прагматика// Филология и человек. – 2009. – № 4. – С. 28-37.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.

Падучева Е. В. Пресуппозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 396.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 296 с.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/